

Доклад 60. Соловки как образ и символ. Пограничность как ключ к пониманию русской идеи

Василий Николаевич Матонин

Доктор культурологии, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.
Главный редактор альманаха «Соловецкое море».

Дорогие друзья, уважаемые коллеги, сегодня мы попытаемся поразмышлять над вопросом, на который нет однозначного ответа. Что такое Соловки? Потому что, ответив на этот вопрос, мы ответим на вопрос, что такое русская идея. Почему для каждого русского человека Соловки особенно дороги?

Стали расхожими такие формулировки, как «сегодня на Соловках, завтра в России», или, например, «на Соловках, как в капле воды, отражаются все те процессы, которые происходят в России», или «периоды смут на горизонте русской жизни появляются, вырастают», «Соловки как место спасения или гибели». Так вот, что такое Соловки?

Вы видите на карте точку. Точку в пространстве, в горле Белого моря, в горле Онежского залива Белого моря находится около 70 островов. Соловецкие острова состоят из шести крупных островов. Здесь обозначены самые крупные из них. Это большой Соловецкий Остров. Его площадь 218 км². Далее это остров Анзер – 47 км². Слово «анзеры» означает в переводе с финно-угорского продолговатый, вытянутый остров. Большая Муксалма – 19 км², Малая Муксалма – 0,57 км², Большой Заяцкий – 1,25 км², Малый Заяцкий – 1,02 км². В архипелаг входят также небольшие островки, и какие-то островки во время прилива исчезают, какие-то появляются.

Что это за земля такая? Почему она в сознании русского человека имеет особое значение? Почему сюда приезжают паломники, туристы, пытаюсь ответить на вопросы о себе, о жизни? Соловки – это место перехода, где с людьми происходят странные вещи, где люди вдруг начинают что-то понимать, принимать какие-то важные для себя решения. Вот что это за пространство?

Знаете, в 1980-е годы я написал стихотворение «О Соловках». Позволю себе его процитировать.

*Что такое Соловки?
Это камни, дождь со снегом,
шаг, сменяющийся бегом, если вы еще легки,
небо в море, лабиринты,
запах гари прошлых лет,
цвет Пожаров и обиды,
и соленый вкус побед.
Немигающие взгляды,
из больницы, как из глазниц,
многолюдные парады прилетевших с юга птиц.
Тишина без главы храма, немота глухих ночей.
Остров, чей стоит, Салтана?
нет, товарищи, – ничей!*

Вы знаете, мы сегодня попытаемся понять, что такое Соловки, соответственно, поразмышлять о русской идее с точки зрения природы, особенностей природы, географии, с точки зрения истории. Мы посмотрим, если есть какая-либо значимая «идея места», то как она реализуется? В хроническом или синхроническом плане? То есть во времени, культуре и даже в персоналиях.

А давайте попробуем начать с названия. Соловки – это место совместного лова. Соловки – это слово, в котором мерцает смыслом слово «соло». Что значит «один» и соотносится с греческим «моно» монах, уединенный. Соловки находятся на границе Балтийского кристаллического щита с севера и средней Европейской платформы, на границе глубоководных и мелководных частей Белого моря, на границе России и Карелии. Сам по себе остров в мифологии разных народов – это пространство пограничное. Это пространство которое является последним рубежом дневного мира. Потому что море – это мир мертвых. Потому что береговая линия – это край света, потому что передвижение по морю соотносится с реальным переживанием смерти, а ветер – с судьбой.

Остров у многих народов – это кладбище. Остров – это монастырь. Остров – это лагерь и остров, извините меня, это музей. То есть мы видим, как идея инобытийности, пограничности развертывается во времени и пространстве. На Соловках это проявляется очень ярко в эксплицитной форме. Мы говорим, по сути дела, об экзегезисе «соловецкого текста» как текста русской культуры, северной русской культуры.

Посмотрите, пожалуйста, вот на эту картинку. Вы видите море. Да, есть такой образ в Псалтыре: «Растер море, яко кожу». Такое вот море: могучее, таинственное. И далее острова, но это не Соловецкие острова. Это Кузовские острова. Кузовской архипелаг километрах в двадцати от Соловков, но там уже другая природа, там другой ландшафт. Ландшафт насыщенный иной символикой, иными образами. Кстати, под образами мы понимаем формы истолкования, освоения мира, тогда как символ – это условные знаки, соединяющие объекты его осмысления.

Вот видите, горка, место называется «Лысая гора», здесь находятся «сейды» – памятники саамской культуры, а «кузов» называется немецким, потому что когда-то в XVI веке датчане и немцы останавливались на этом острове и вели наблюдения за Соловками, но не решились напасть на Соловки, так как по молитвам соловецких братьев они якобы превратились в камни. Вот это удивительный феномен, свидетельствующий о том, как работает наше сознание. Понимаете, все было: «Неприятель приходил? Приходил. Не решился напасть на Соловки? Не решился напасть на Соловки. Ушел? Ушел. Соответственно, по молитвам соловецких монахов немцы превратились в камни».

Но дело не в этом. Итак, мы остановились на слове граница. Вот она, граница берега, водоросли, камни, брызги. Давайте посмотрим еще на один образ границ. Граница – это линия горизонта, вечно расширяющихся границ. Что рождает это ощущение границы? И в чем оно реализуется? Граница, по определению, это та территория, где явления противопоставлены, выдвинуты на предельные рубежи своего бытования и являют себя в наиболее яркой, эксплицитной форме. Граница – это место борьбы или неустойчивого противостояния враждебных сил. Граница побуждает к рефлексии, рефлексия вечна. И мы видим, что Соловки соотносятся с образами Русского Севера и образами Поморья. Но если Русский Север – это северо-западная часть, это европейская часть России, граница государства, то Поморье – это граница экзистенциальная. Потому что морские промыслы требовали риска. Потому что человеку, занимающемуся морскими промыслами, постоянно грозили опасности. И Соловки – это границы духовные.

Имеем ли мы право сопоставлять эти категории: сначала священное, потом экзистенциальное, потом государственное? На эти вопросы мы можем ответить, рассматривая соловецкую историю в диахроническом плане. Я хотел сначала создать некую интригу, потом эту интригу постепенно раскрывать. Но пойдем другим путем. Позвольте, я сразу формулирую самое главное, а потом уже от общего пойду к частному. Мы видим, что на Соловках реализуется следующая идеологема – идея

перехода как обретение нового качества. Это уже реализация феномена границы, перехода, идеал преобразования, идеология, принимающая различные формы, маргинальности и оппозиционности по отношению к центру. Пока эта формула, вероятно, ни о чем не говорит. Давайте посмотрим, что такое Соловки как исторический феномен и как реализуется эта идеологема во времени.

Соловки – это место, где на острове Большой Заяцкий находится крупнейшее в Северной Европе неолитическое святилище. И это неолитическое святилище включает в себя лабиринты, систему запутанных ходов овальной или яйцевидной формы, каменные курганы. Это памятники, которые датируются концом эпохи мезолита или северным неолитом, т. е. IV–I тысячелетиями до н. э. И для племен Беломорской культуры, племен, которые жили на материке, Соловки были кладбищем. Итак, граница – это кладбище. Соловки – кладбище, святилище. Лабиринт – это первобытный храм. Племена Беломорской культуры приезжали на острова, чтобы совершать здесь магические обряды, и, по версии Анатолия Александровича Куратова, они хоронили здесь своих сородичей, соплеменников, прах привозили на остров и устраивали тризну по умершему, насыпали каменные курганы. Насколько это верно или неверно, можно дискутировать, но как бы то ни было, это святилище в начале истории, это святилище кладбищ.

В первой трети XV века на Соловках появляется монастырь. Монастырь возникает на волне новгородской колонизации. Основатели монастыря – преподобные Зосима, Савватий, Герман. Соловецкий монастырь получает официальный статус в 1436 году. В то время власть переходила от Новгорода к Москве, и земли новгородских бояр, вотчины, рыболовные тони и соляные варницы земельные угодья стали собственностью монастыря. И Соловецкий монастырь уже в середине XVI века становится крупнейшим на Русском Севере землевладельцем.

Дмитрий Сергеевич Лихачев писал, что в XV–XVII веках Соловецкий монастырь – это центр всей русской громадной земли, всего Русского Севера. По сути дела, он представлял на севере интересы Московского государства и был форпостом на северных рубежах русского государства. Так называемым духовным и хозяйственным центром. Поэтому у нас есть все основания соотносить Соловецкий монастырь с Русским Севером. Но почему Поморье? Нередко понятие «Поморье» и «Русский Север» сопоставляются, и это оправдано. Хотя с точки зрения административной Поморье – это часть берега Белого моря от Онеги до Кеми. Но когда Татищев писал о Поморье, то он Поморьем называл землю от Вологды до Уральских гор, до Северного Ледовитого

океана. Где Вологда, а где Поморье, и где море? Но это инобытийная территория, и эта инобытийность в значительной степени свойственна русским людям и устремлениям русских людей.

Давайте посмотрим, а как, собственно, осваивался Русский Север. Брюстан пишет о том, что была Киевская колонизация, Новгородская колонизация, Ростово-Суздальская колонизация. Соответственно, различные формы насильственной колонизации, и получается, что на Русском Севере Русь познает сама себя. То есть это пространство актуализированного диалога. Я еще помню то время, когда в одной деревне говорили, а в другой не понимали. То есть настолько различные были диалекты в разных селах, которые возникли в результате Московской, Новгородской, Ростово-Суздальской колонизаций. При этом колонизация Севера усиливалась в периоды государственных устроений. Это была естественная колонизация. Это не было исполнением каких-либо распоряжений сверху.

Освоение северных земель, а потом и Сибири осуществлялось не благодаря, а вопреки обстоятельствам. Это было реакцией на нерешаемые проблемы. Русскому мужику собраться – только подпоясаться. Если нет способа решения проблем, то проблема решалась с помощью перехода. Таким образом, реализуются идеи перехода. И в каждой культуре мы видим различные формы решения проблем.

Вот если, например, индус столкнется с проблемой, он скажет: «Да, это проблема моя, и если я изменюсь, то изменится ситуация, изменится проблема». Если европеец столкнется с проблемой, то он задаст себе вопрос: «А есть ли ресурсы для решения этой проблемы?» Он привлечет ресурсы, возьмет кредит, создаст политическую партию, включит какие-то политические механизмы и будет решать проблему. Если китаец столкнется с проблемой, он, видимо, попытается сначала решить ее, потом решить силой. Если не получается, то что же делать? Значит, надо как-то к ней приспособиться, и отсюда происходит знаменитый китайский конформизм. Будь что будет, что-нибудь да будет, еще не было так, чтобы не было никак. А вот если русский человек столкнется с проблемой и поймет, что она не решается, что делать? Сначала можно сделать вид, что этой проблемы не существует. Знаете, однажды я затопил печку, когда жил на Соловках, а печка была единственным теплым местом. И вот зверь на плиту лег, я его прогоняю, он не уходит. Ну ладно, огонь разгорается сильнее, подогревает, он с одной стороны на другую ворочается, ворочается, потом с воплями убегает. Вот так, сначала проблемы не существует, потом авось как-нибудь рассосется, потом Бог поможет, Господь поможет. Потом остается подвиг. Подвиг как средство решения

проблем, и одна из форм подвига – это переход, смена пространственных координат и колонизация. Понятно, что была боярская, крестьянская, монастырская. Конечно, такой классовый подход существовал в истории и утвердился в советской историографии. Это верно, но сознание средневекового человека – это сознание религиозного человека, кем бы он ни был. Ну бояре, понятно, устраивали походы в Куйников, пришли, взяли ясак, ушли. А вот приходит христианин, монах и говорит словами Давидова псалма, что здесь мой покой, здесь вселюся, и ставит крест, ставит келью, и появляется там селение. Не стоит село без праведников. Или появляется монастырь, и вокруг монастыря появляются селения, и становится однажды в миру как в аду, а в монастыре как в миру, и появляются подвижники, которые уходят на север. Вот таким образом создавалась Северная Фиваида.

И если Север поначалу воспринимался как место демоническое, то уже в середине XVI века суровые природные условия, которые свойственны Северу, стали восприниматься как благоприятные условия для аскезы. И вот подобно тому, как осваивались Фиваида и Нитрийские пустыни, первыми монахами христианскими осваивался и Север. Поэтому Север становился территорией святости, местом наиболее благоприятным для спасения. Местом, где реализуется идеал преображения, т. е. обретения нового качества. Не случайно островные монастыри нередко называются монастырями Преображенскими: Валаамский монастырь, Соловецкий монастырь, на берегу морском находящийся Пертоминский монастырь, монастырь на Кубенском озере – это все Преображенские монастыри. Если жизнь людей связана с водой, с опасными промыслами, то им очень близка идея покаяния, а следовательно, преображения, как обретения нового качества.

И вот мы говорим об особенностях русской культуры. Какая она, русская культура? Она западная? Она восточная? Она евразийская? А может быть, с большой долей вероятности можно предположить, что это культура северная? И мы видим, что вектор движения русской государственности был направлен на северо-запад. Потому что русский путь – это трудный путь, это путь на север. И что такое монастырь? Монастырь – это зима. Восьмимесячная зима, короткое лето. Монастырь – это пространство испытаний, и монастырь – это север, это вектор, направленный на север. Но путь на север был ограничен с запада государственными рубежами, а на восток он был открыт. И вот это великое движение навстречу Солнцу на восток, в Сибирь можно приравнять к великим географическим открытиям. В Смутное время, когда государственность русская, казалось, была уничтожена, Русь

прирастала Сибирью, в течение трех-четырёх десятилетий был освоен весь Северный морской путь, и кочи Семена Дежнева дошли до пролива, разделяющего Америку и Евразию. И особую роль в этом играл Соловецкий монастырь.

И все пути шли через Соловки. Таким образом, можно представить некую систему концентрированных кругов. В центре Соловки как духовная граница, далее Поморье как граница экзистенциальная и Русский Север как граница государства. Что такое граница? Я начинал об этом говорить, но следовало бы сказать подробнее. Границы – это место борьбы или противостояния различных, разнонаправленных сил, это территория трудного диалога. Причем соловецкий урок, урок соловецкой истории говорит о том, что для субъектов диалога наиболее эффективное состояние, хотя и трудное – это диалог, не переходящий в конфронтацию. Кроме того, явление, выдвинутое на последние рубежи своего бытования, являет себя в наиболее яркой, эксплицитной форме, поэтому граница всегда побуждает к философии. Переживание границы побуждает к рефлексии. Рефлексия о вечном. Граница ставит перед человеком предельные вопросы: о смысле человеческого бытия. А теперь давайте подумаем, откуда все-таки появилось у нас это слово. Я уже сказал, что граница географическая, геологическая, если угодно, и меня всегда удивляла взаимосвязь земли и культуры. Если природа текст, то культура – это цитирование текста. Так что же свойственно соловецкой природе? Сочетание несочетаемого, именно то, что свойственно русской культуре. Помните, Киплинг писал: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд».

Мы видим, что Запад и Восток у нас сходят с мест. Это создает трудную ситуацию. Когда необходимо снова и снова изобретать велосипед, но это придает культуре чрезвычайно большие адаптивные возможности – это предполагает некую внутреннюю динамику. Давайте теперь перейдем к конкретным предметам. Вот Соловки, около 70 островов, и что там? А там мы видим сочетание различных ландшафтов, которые не встречаются более нигде. Это тундра, это лесотундра, это бор, это лиственные и хвойные деревья. И всё на небольших островах, на одном и том же острове.

Знаете, один мой знакомый теолог, норвежец Роланд Кристенсен когда-то так сказал, размышляя об особенностях Соловков, в скобках мы имеем в виду Россию и Норвегию, в скобках имеем в виду Запад. На Соловках небо опускается на землю. А в Скандинавии земля поднимается к небу. Что мы видим? Мы видим долгую зиму на Соловках. Это темная

ночь вот сейчас, это яркое лето, белые ночи, световая рефракция. Вы знаете, когда смотришь с берега в море, то объекты, которые появляются на горизонте, либо переворачиваются, либо кажутся очень близкими, либо растекаются по горизонту, потому что испарение от воды превращается в линзу, искажающую ощущения. Представьте людей, которые идут на Соловки на судне, вот появляются острова, появляются башни, монастырь, а потом эти острова исчезают, распадаются, рассыпаются, как некий мираж, так это и есть мираж. На Соловках часто бывает туман, а туман – символ неопределенности.

Белые ночи создают иллюзию, иллюзию сомнений в реальности того, что мы видим. Это, конечно, удивительно. И вот этот комплекс ощущений вовлекает человека в жизнь природы. А природа такова – лето короткое, и все живое, что находится на острове, стремится реализовать свой витальный потенциал в течение двух месяцев. И когда человек оказывается в этой ситуации, в этой обстановке, то его как в воронку засасывает. Он не понимает уже, где он, что он, как он. Он живет очень напряженной внутренней жизнью. Эти ощущения, эта эмпирика заставляют думать о вечном.

И вот смотрите, как идея инобытийности реализуется в истории. Итак, кладбище – это святилище, это эпоха неолита, в первой трети XV века появление православного монастыря, который становится центром всего Русского Севера, форпостом на северных рубежах русского государства. Далее, Соловки – это лагерь. В сущности, моя мысль может показаться крамольной, но я все-таки попытаюсь ее сформулировать: образ жизни монаха мало чем отличается от образа жизни заключенного: и тот и другой трудятся, и тот и другой живут на острове. Соловки, кстати говоря, в XVI веке становятся государственной тюрьмой, куда ссылали людей, негодных правительству. Но в одном случае человек обретает свободу и радость бытия, а в другом случае жизнь на острове лишь подчеркивает его изолированность от мира. Все зависит от свободы воли или отсутствия этой свободы.

Мы видим, что во времени эта идея инобытийности, развиваясь в диахроническом плане, проявляется уже как идея музея. То есть она не исчезает, понимаете. Она проходит разные ипостаси: кладбище, монастырь, лагерь. Я имею в виду Соловецкие лагерь особого назначения 1923–1939 годов и музей. Понятно, что есть еще учебный отряд, учебный отряд возникает в 1939 году, далее возникает Школа юнг при учебном отряде с 1942 по 1945 год, идет добыча водорослей.

Соловки – это место обретения нового качества даже в снятом виде, светском виде, понимаете? И именно в инобытийности естествен-

ным образом реализуется музейное пространство, потому что в музее показывают то, чего уже нет. И вот один из вопросов нашего форума – размывается ли идея места, или она остается неизменной, постоянно воспроизводится? Знаете, для меня этот вопрос долгое время оставался открытым. Сейчас я еще не уверен в том, что идея меняется, но все-таки появились сомнения под влиянием технологий. Если человек вдруг на Соловки прибывает на самолете, из Москвы, сначала он вообще не понимает, куда он прибыл. Он не шел по морю, он не переживал умирание, морскую болезнь, он сразу оказался там, где оказался. И он не понимает. Солнечный, яркий день. Он не понимает, куда он прибыл, кажется, что он находится где-нибудь на южном курорте. И только когда прольется дождь и поднимется ветер (на Соловках, кстати говоря, очень сильные ветра бывают, юго-западные ветра преобладают зимой, северо-восточные дуют летом), вот тогда становится страшно, тогда люди просто бегут на причалы, ищут возможности уехать, выстраиваются толпы людей. Куда мы попали? Так и туда и попали.

Кроме того, идея перехода реализуется и в архитектуре. В архитектуре она маркируется и в малых архитектурных формах, в частности в крестах поклонных. Вы знаете, путь русских людей на север обозначен вот такими крестами, которые были и поклонными, и могильными. Могильный крест – это тот крест, который человек нес по своей жизни. Эти кресты играли роль навигационных знаков. И вот вы видите вдалеке Соловецкий монастырь. И вот вид сверху на Соловецкий монастырь.

Посмотрите, пожалуйста. Этот вытянутый пятиугольник между святым озером и морем напоминает корабль, идущий в Россию. И вот интересно – когда соловецкие монахи уезжали по каким-то хозяйственным надобностям на материк, они говорили, что едут в Россию. При этом на границе явления, а мы говорим о русской культуре, явление, русская культура, являет себя в наиболее яркой форме, но люди осознавали свою особенность, исключительность в этом пространстве.

Мы видим, что в архитектуре XVI века мерцают смыслом образы спасительного ковчега, корабля, и даже в элементах архитектуры мы находим морскую символику, и это понятно. Видите, здесь, например, килевидный портал трапезной палаты, площадь которой 480 м² примерно, она соответствует Грановитой палате Московского Кремля. Мы видим, что ведут одни килевидные врата в Успенскую палату, другие, которых не видно над центральным столбом, в Келарскую палату, а еще одни – в Успенскую церковь.

Вы знаете, на Соловках сочетаются различные природные зоны – это удивительно. С. В. Максимов – путешественник, этнограф, автор

известной книги «Год на Севере», сказал, что русская природа будто бы напряглась и выплеснула на острова всё то, что ей свойственно, а далее уже этого нет. И даже в архитектуре мы находим сочетание несочетаемого. Посмотрите фрагмент Келарской палаты, и вот здесь мы видим черты московской архитектурной школы и новгородской архитектурной школы. То есть форма храмов соответствует новгородским памятникам – это стены, наклоненные вовнутрь, это лопатки на фасаде, это валуны, кирпичный цоколь. А в самом храме черты московской архитектурной школы – внутрискладчатые лестницы, внутрискладчатые ниши. Это удивительно. Ведь Новгород и Москва всегда были противопоставлены.

Вот Спасо-Преображенский собор, главный храм Соловецкого монастыря. Он построен Филиппом Колычевым. В 1552 году началось строительство Успенского, строительство трапезного комплекса Успенской церкви продолжалось до 1556 года. Через год началось строительство Спасо-Преображенского собора, строили новгородские мастера. Вот вы видите наклонные стены, толщина которых у основания пять метров, валунный цоколь. Вы видите пределы, вынесенные по углам. Это единственный в России храм, который сочетает черты многопридельного, шатрового, двухстолбового храма.

И возникает вопрос, вообще на какие средства это все строилось. Откуда такая мощь? А это отражение хозяйственной мощи и духовной твердыни Соловецкого монастыря. Основным источником дохода монастыря были вываривание и продажа соли. Причем монастырь торговал солью и со Швецией, и на вологодском рынке соль продавал. А работали в монастыре монастырские крестьяне, т. е. крестьяне, которые жили в земельных владениях монастыря, также трудники – работники по обету, а также казаки. Вот они и возводят эти мощные храмы. И вот посмотрите, центральный барабан значительно приподнят над основным объемом храма и сдвинут к востоку, рассчитан на восприятие Запада со стороны моря. И здесь, мы видим, реализуются слова тропаря преподобных Зосимы и Савватия Соловецких: Яко светильницы явистесе всесветлии / во отце окияна моря, / преподобнии отцы наши Зосимо и Савватий и Германи, / вы бо, крест Христов на рамо взявше, понесли есте, / божественне вооружившесе на невидимыя враги / и непрестанный молитвы, яко копие в руках, имуще, / крепко победили есте бесовская ополчения.

То есть «отоце окияна» значит на острове, «яко светильницы» – здесь очевиден образ «храма маяка». И когда горит паникадило в храме, здесь отражается этот свет. Свет виден далеко в море, являясь пу-

теводным знаком для поморов, призывающих к берегу и открывающих путь в бухту Благополучия.

Позднее эта идея храма-маяка реализовалась уже в полной мере на Секирной горе. И вот вы видите Секиро-Вознесенский храм. Он был освящен в 1861 году. Здесь уже в главке смонтирован маяк, и до сих пор этот маяк остается действующим. То есть образ перехода, там и есть граница. Есть образы перехода корабля, ковчега, маяка. Здесь вы видите каналы, на Соловках много озер, около 300 озер на Большом Соловецком острове и около 500 на архипелаге. И были построены две каналные системы: питьевая и судоходная. И эти каналные системы свидетельствуют о связи, о необходимости связи, так же как эта дамба, соединившая два острова, почти на два километра протянувшаяся по морю. И во всем присутствовала некая избыточность. Меня всегда удивляет взаимосвязь природы и истории.

Вот вы видите березу, которая выросла на склоне горы Голгофы. Этот склон горы Голгофы во времена лагеря был местом массового захоронения, потому что здесь находился лазарет.

А сейчас мне хотелось бы, завершая свой пространственный монолог о Соловках как образе, символе и экзегезе текста, отметить некие идеи, которые уже соотносятся с нашим форумом. Какие уроки дают Соловки? Один из соловецких уроков состоит в том, что ситуация трудного диалога, трудного для субъектов диалога эффективнее, нежели попытки силового решения проблемы.

Итак, следует обобщить сказанное, идея соловецкая соотносится с русской идеей, на наш взгляд, как идея преображения, идея, принимающая формы идеологии с признаками оппозиционности по отношению к условному центру. Одно из ключевых слов – понимание особенности русской культуры и русской идеи, образ границы как места актуализированного диалога, места, располагающего к рефлексии о вечном, к бинарной идентификации и эмпатии.

Вы знаете, для меня русская культура и русская идея очень близки к тому пониманию, которое свойственно Соловьеву. Человечество – это некий организм, и каждый народ выполняет определенные функции и несет некие уроки, необходимые для человечества как целого. И русская культура, которая северная по сути дела, поскольку основана на идеале святости, а образ святости соотносится с аскезой, а аскеза – с Севером. Другого идеала, к сожалению, не выработали, к сожалению (может, и не к сожалению), сейчас формируется светский идеал. Но именно светский идеал предопределяет такое наше качество, как склонность к расколу для обретения единства. И любые сколько-нибудь зна-

чимые явления – и об этом, кстати говоря, свидетельствует соловецкий опыт – они двоятся, понимаете, двоятся: большевики и меньшевики, иосифлянство и нестяжательство, западники и славянофилы. И всегда появляется соблазн силового решения проблем.

Если говорить о менталитете русской культуры, то ей свойственен эсхатологизм. В том числе праздничный эсхатологизм: в домонгольский период русская эсхатология имела праздничный характер. Устремленность к беспредельности, которая опять же открывала путь на Север, открывала путь в Сибирь, по своей и не по своей воле. Склонность к коллективному умонастроению, к переходу как смене пространственных и духовных координат в некую инверсионность. И сохранение таких мест, как Соловки, превращение их не в мертвый, а в живой музей дает основание для самоидентификации и духовной безопасности. Вот это, пожалуй, самое важное, что я хотел сказать.

Отвечая на вопросы, которые предлагаются участникам Собора, я не буду сами вопросы озвучивать, а только ответы.

Самосознание познается в повторяющихся исторических фактах, воспроизводящих модели поведения, и реализуется в экстремальных ситуациях, но также и через сравнение себя и другого. Вот каждый народ – это орган в едином организме, в котором является человечество. И каждая культура несет в себе уникальный опыт, функции, уроки, необходимые для всего организма, для всего человечества.

Русская идея реализуется в русских гениях, в частности в творчестве Пушкина и в жизни Пушкина. Достоевский, размышляя на открытии памятника Пушкину о его творчестве, сказал о его, Пушкина, всечеловечности. И когда, например, Высоцкого спросили: «А вы какой?» – он сказал: «Очень разный». Русский человек – он тоже очень разный. В этом, кстати говоря, особенность, и вот эта всечеловечность предполагает некую постоянную великую дихотомию. Когда однажды я увидел православных негров по телевизору, я в том числе обратил внимание на то, как же они похожи на русских. И видимо, русская идея реализуется всюду, где есть рубеж, столкновение культур, и она, видимо, будет воспроизводить истоки: это земля, ландшафт, язык. Но сначала ландшафт, а потом религия. Мне очень близки размышления В. О. Ключевского в первом томе его истории о том, как ландшафт формирует те или иные черты характера. А православие стало религией, которая позволила всем этим разным древлянам, полянам, северянам и другим племенам сосуществовать. А необходимость объединения была продиктована противостоянием степи. И конечно же, не только человек выбирает место для жизни, но место выбирает человека. Понимаете, в этом смысле

Север становится территорией, отбирающей людей с особым сознанием, и в этом сознании реализуются те черты, которые наиболее полно и ярко характеризуют русского человека. Это характерно, в частности, и для Сибири.

Кроме того, помните, писал Мандельштам: и пращуры нам больше не страшны: они у нас в крови растворены. То есть вот идея, она растворена у нас в крови. Она постоянно в архетипах реализуется. Но что такое высший суд, знаете, Бердяев писал об этом, что есть Божий суд, вот это высший, это не человеческий суд, и то, что для культуры полезно, а что не полезно, это тоже перед Божьим судом, высшим судом сходит на нет. Это есть высшая справедливость. Вот такие примерно у меня размышления возникли по вопросам, которые предлагались участникам Собора.

Ведущий: Как вы думаете, почему человек, хотя вроде бы отторгается, все равно стремится в те места?

Василий Матонин: Знаете, Соловки отторгают в то время, когда начинают лить дожди, и когда там дождь со снегом, и когда ветер поднимается. Как я здесь оказался? Зачем мне это надо? Но бывают совершенно благостные и удивительные дни, когда природа открывается для человека, когда она его принимает. Соловки выбирают людей, понимаете, выбирают. То есть моя мама, например, когда приезжала на Соловки, она очень тяжело переносила это место. Там камни, там темно, мрачно. А для меня это как раз то, что мне надо, понимаете? Это отвечает моему внутреннему миру, это сочетание того, что люблю: озер, леса, моря, древности, видимой древности, понимаете, когда под ногами у тебя всё. Ты видишь этот храм XVI века, это вот неолит, вот это XVIII век, и ты чувствуешь себя в некоем течении времени. И это очень важно.

Ведущий: Да, вы говорили об основании собора Филиппом Колычевым, потом Соловки стали тюрьмой, печально известным СЛОНОМ (Соловецкий лагерь особого назначения). То есть это определенного рода символ. Вот как-то удивительным образом на Соловках пересекаются в политическом смысле. Учитывая, что Филипп Колычев – человек, который противостоял Ивану Грозному, один из немногих людей тогдашней России, который посмел это сделать. Да и потом все-таки такое ощущение, что туда уходили, как будто это паноптикум власти. А потом все-таки власть сюда пришла, всё сама и организовала. Какое-то действительно удивительное место, где привилось и глубокое православие,

сила духа монашеского, и при этом вот такая совершенно чудовищная политическая сила, если можно так ее назвать, мягко говоря.

Какая, по вашему мнению, философия будет доминировать, в России в 2045 году?

Василий Матонин: Знаете, если 2045 год наступит, то философия будет. Пока человек живет, он всегда будет размышлять о смысле жизни. Я думаю, что есть вечные вопросы, которые останутся. Вопросы, на которые мы можем ответить только на Страшном суде. Мы всегда будем думать об основных вопросах онтологии. Что есть человек? Что есть реальность? Мы будем думать об этом вне зависимости от усиления или ослабления каких-то глобалистических тенденций.

Я думаю, что мы миру интересны именно такие, какие мы есть. Понимаете, мы останемся такими до конца времен.

Ведущий: Да, спасибо большое. Это, в общем-то, в каком-то смысле ответ на второй вопрос, каким будет пространственное влияние русской философии. Получается, мы будем интересны. Я вас благодарю за очень интересный доклад, за ваши ответы на вопросы, за то, что погрузили в такое место, где, на мой взгляд, действительно существует тот самый гений места.